«УТВЕРЖДАЮ»:

Проректор по организации научной и проектно-инновационной деятельности Южного федерального университета

д.э.н., доцент И.К. Шевченко « А» февраля 2016 г.

Отзыв ведущей организации

федерального автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» о докторской диссертации Савосичева Андрея Юрьевича «Дьяки и подьячие XIV-XVI веков: происхождение и социальные связи» (в 2-х тт.), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в диссертационный совет Д 212.038.12, созданный на базе ФГБОУ ВО

«Воронежский государственный университет»

Поставленная в исследовании А.Ю. Савосичева проблема представляет значительный научный интерес. В самом деле, с одной стороны, «История Российского» - одна государства ИЗ наиболее традиционных разрабатывавшихся в отечественной историографии, по существу с самого начала ее существования. С другой стороны, некоторые существенные ее стороны до сих пор остаются слабо разработанными или дискуссионными. К таким сторонам, как справедливо отмечал А.Ю. Савосичев, относится история исключительно значимой социальной структуры, которая в значительной мере функционирование системы управления обеспечивала Московском государстве. Это были дьяки и подьячие, представлявшие собой наиболее ранний слой бюрократии (функционеров – по другой терминологии) страны, на долю которых приходилась разноплановая и часто – нестандартная работа по составлению, использованию и хранению документов, положенных в основу государственной и церковной власти и управления. Кроме того, некоторые особенности документов, иногда даже весьма существенные,

зависели от профессионального опыта и личности оставлявших их людей. Именно они, опираясь на предшествовавшие традиции и на свои собственные практики, вывели на качественно иной уровень работу с документами средневековой Руси. Актуальность темы работы А.Ю. Савосичева, кроме того, в том, что изучение истории формирования приказов и приказной системы делопроизводства невозможно, при почти полном отсутствии письменных источников об этом до середины XVI в., без обращения к эволюции как раз дьяческого и подьяческого сообществ. Полагаем, что здесь содержится немало перспектив для ответа на давний вопрос в российской науке о времени и причинах возникновения приказов, а также различных категорий дьяков (великокняжеских и пр.). В этой связи интерес к таким людям, к их происхождению и родственным связям могут помочь понять характер эволюции дворцовых ведомств (Дворца и Казны), зарождения и особенности функционирования таких центральных государственных учреждений, как приказы, а также церковных структур. Исследование А.Ю. Савочивева позволяет также более конкретно уяснить процесс формирования указанного сообщества, источники его пополнения, историю родственных и иных связей среди относящихся к этому слою людей, как одной из наиболее существенных сторон социальной истории Московского государства. В этой связи есть основание полностью одобрить поставленную проблему.

Поставленной проблеме полностью соответствует структура исследования. Выделение в ней пяти глав сделано ПО проблемнохронологическому принципу. Правомерно, особая, первая, что глава В посвящена историографии И источникам. последующих главах прослеживается развитие явления на протяжении от XIV в., когда появляются первые сведения о дьяках, до времени Ивана Грозного, когда Московское государство имело уже вполне развитый управленческий аппарат со штатами дьяков и подьячих. Вместе с тем обращает внимание на то, что четкость и последовательность логики исследования проявилась в концентрации внимания на важнейших сторонах проблемы, позволяющих представить

дьячество как профессиональную корпорацию и как социальный слой с тенденцией к превращению в замкнутую структуру с развитыми внутрикорпоративными связями. Поэтому в центре внимания оказались вопросы, связанные с социальным происхождением дьяков и подьячих, семейно-брачными связями, сыновьями и наследниками, а также с их землевладением, благодаря которому они со временем заняли свое прочное место в рядах землевладельческой знати. Такая структура представляется в данном исследовании полностью обоснованной.

Введение включает все необходимые составные части. Кратко и очень четко выражена актуальность темы. Обоснованы хронологические рамки исследования и периодизация исследуемого процесса (Т.1. С.4-5). Интерес к этому разделу введения, который, в общем, нередко ставится лишь в силу своей обязательности, представляется в данном случае более значительным, поскольку в нем развернута авторская гипотеза исследования. В самом деле, в нем содержится указание не просто на этапы в развитии изучаемого явления, но выделены их качественные особенности, относящиеся к положению дьячества в общественной структуре формировавшегося и развивавшегося Московского государства и к его изменениям на каждом отдельном этапе. Говоря о степени изученности темы, А.Ю. Савосичев верно указал на необходимость диалектического подхода к истории дьячества, поскольку в самом деле это явление за длительный период времени, составляющего хронологические рамки исследования, переживало эволюцию: дьячество, перефразируя В.О.Ключевского, богатело «экономически» и «добрело» «генеалогически». Данное замечание находится в соответствии с выводом М.Блока о возможности негативного влияния на сознание историка «идола истоков», когда изучаемое явление рассматривается вне учета подобной эволюции, что приводило к искаженному взгляду на него. Впрочем, как показал ниже А.Ю. Савосичев, данная тенденция не действовала на протяжении всего периода, который рассматривается им и, напротив, при

Иване Грозном среди дьяков увеличивалась доля лиц недворянского происхождения.

Не вызывает возражения формулировка цели и задач исследования (Т.1. С.6-7). Что касается задач, то среди них особый интерес вызывает, во-первых, указание на необходимость учета значения заслуг предков для дьяческой карьеры, и, во-вторых, анализ данных о землевладении дьяков и подьячих. В этой связи в полной мере обоснована опора на просопографический метод исследования, который за последнее время все шире используется при анализе данных об отдельном человеке и который, например, был успешно использован А.В. Беляковым в его монографии о Чингизидах в России. Также А.Ю. вопроса возможности оценка Савосичевым o интересна целесообразности при комплексном анализе явления следовать за Вообще-то терминологией источников. ЭТО выходит на уровень принципиальной методологической проблемы, поскольку может касаться различных тем, особенно для разных эпох c меняющейся терминологией и с изменением внутреннего смысла терминов. Это касается таких терминов, как «дворяне» и «дети боярские». Вместе с тем, можно согласиться с А.Ю. Савосичевым, что для изучения процессов в развитии социального происхождения дьяков и подьячих целесообразно опереться на принцип единства терминологии. Это предполагает использование научной абстракции, когда термин «дворянство» используется для анализа социального слоя в целом, когда под этим термином имеются в виду все представители служилого слоя. Представляется при этом, что хорошо показано, насколько сложно само понятие о дворянстве для раннего периода XII-XIII вв., когда оно прослеживается в источниках (Т.1. С.11–13).

Столь же правомерно обращено внимание на возможность использования дискуссионного термина — «бюрократия», причем следование такому пониманию этого слоя, которое высказывается М.М. Кромом и которое заключается в представлении о нем как о «процессе», начавшемся в Московском государстве с XV в., может быть принято. Представляется

обоснованным использование термина «выходцы из демократических слоев», в целом относимого историками к значительно более позднему времени в развитии русского общества, но, ПО историографической допускаемому при анализе сообществ не только нового времени, но и средневековья, в том числе русского. К таким выходцам А.Ю. Савосичев отнес дьяков и подьячих, происходивших из холопов, представителей ремесленно-торгового населения, а также духовенства. На конкретных примерах А.Ю. Савосичев предметно раскрыл другой важный подраздел введения, а именно – новизну работы (с.8–9). Новизну своей работы автор представил, оправданно обратившись не только к формулировке сделанных им выводов, но и к характеристике впервые поставленных им научных проблем. Подобный подход позволяет уже на уровне изучения введения уяснить направленность авторской концепции и его оценок предшествующей историографии. Такое положительное впечатление усиливается за счет изучения объемных по содержанию 7 пунктов положений диссертации, выносимых А.Ю. Савосичевым на защиту.

Первая глава содержит обстоятельный анализ историографии и источников по поставленной диссертантом проблеме. К наиболее ее интересным сторонам относится указание на стереотипы русского сознания в отношении дьячества. Их, как верно отметил А.Ю. Савосичев, четко сделал С.О. Шмидт. Восходят они к представлению о худородстве дьяков. На это имеется указание князя А.М. Курбского и некоторых его современников (Т.1. С.38). Тем самым, А.Ю. Савосичев правомерно указал на значимость исследований общественного мнения при решении вопросов о происхождении социума, нередко не менее значимых, чем анализ данных генеалогии. Впрочем, ниже А.Ю. Савосичев на основании анализа данных о социальном происхождении дьяческого аппарата времени Ивана Грозного сделал, как уже отмечалось, вывод, согласно которому доля выходцев из дворянства в его составе уменьшалась, и в подтверждение приводит свои расчеты. Интересно в этой связи замечание, что этот процесс происходил естественным путем, то

без какой-либо целенаправленной политики. Объясняет это есть обстоятельство А.Ю. Савосичев тем, что дворянство находило более привлекательные для себя виды службы, и не требовавшие многолетнего сидения в приказах, и добавлявшие больше чести роду (Т.1. С.464). С этим можно согласиться. Вместе с тем такое замечание появилось не случайно. прошлом устойчивой Определялось существованием В оно историографической традиции, согласно которой важнейшее направление внутренней политики при Иване Грозном заключалась будто бы в борьбе со знатью. И хотя эта традиция подвергалась в дальнейшем обоснованной критике, и многие исследователи отошли от этой точки зрения, все-таки сохранились ее определенные остатки, восходившие к мнению князя Поэтому Курбского и некоторых других современников. вывод об уменьшении доли дворянства в составе дьяческого аппарата обоснован хорошо, но он находится в русле этой историографической дискуссии. Следовательно, этот вывод лишний раз показывает, что при анализе столь сложного явления, как внутренняя политика при Иване Грозном, схематизм неприемлем. Тем более, что, как выявил А.Ю. Савосичев, при росте числа выходцев в дьяческой среде в период этого царствования лиц недворянского происхождения для семейно-брачных связей этой среды интересы «отечества» были определяющими, и это, по его обоснованному мнению, ясно указывало на ярко выраженные возросшие социальные притязания дьячества (Т.1. С.514, 520). Также это выражалось в стремлении дьячьих детей к занятию служебных должностей, которые традиционно занимали выходцы из дворянских семей (Т.1. С.550). Те же самые явления были выявлены А.Ю. Савосичевым применительно к подьячим и к их семьям (Т.2. С.47).

Один из наиболее принципиальных вопросов исследования — вопрос о происхождении дьячества и дьяческой службы. А.Ю. Савосичев исходит из того, что возникновение этого явления в русских землях XIV в. определялось усложнением управления. Он подчеркивает, что это было результатом развития традиционной вотчинной администрации, ее финансовой и

хозяйственной частей (Т.1. С.105). Данное утверждение представляется полностью справедливым. Вместе с тем оно соответствует распространенной в отечественной и отчасти в зарубежной историографии теории вотчинного государства, к которой за последнее время проявляется все больший интерес. Это положение А.Ю. Савосичев конкретизировал во второй главе на примере положения первых дьяков. Сделанный им вывод о том, что постепенное превращение дьяков из княжеских холопов в свободных людей в полной мере подтверждает положение этой теории, согласно которой из вотчины постепенно развивалось государство. В соответствии с ним, из вотчинного управления, с задачами которого могли справляться несвободные княжеские слуги, развивалась сложная дьяческая служба, требующая грамотности, специальной подготовки, знаний и навыков составления разнообразных Подобная служба частноправовых документов. государственных И оказывалась несовместимой с холопским состоянием. Таким образом, история его эволюция, тщательно прослеженная становления дьячества И А.Ю. Савосичевым, может служить серьезным подтверждением теории вотчинного государства, которая обосновывает процесс формирования Московского государства. Основательные аргументы приведены А.Ю. Савосичевым в пользу не только более позднего появления подьячих по отношению к дьякам, но и в пользу того, что теперь уже дьякам понадобились помощники – в связи с расширением объемов документирования, ростом значения письменного делопроизводства в функционировании аппарата власти и пр.

Комплексность и системность проведенного А.Ю. Савосичевым исследования подтверждается также обращением к происхождению удельных дьяков и подьячих, их эволюции в связи с постепенным усилением централизаторских тенденций. Особо и совершенно правомерно А.Ю. Савосичев подчеркивал, что во времена Василия III стало заметно формирование слоя потомственных приказных дьяков, в тот период еще небольшого (Т.1. С.342). На этот вывод следует обратить внимание, поскольку

для превращения профессиональной группы в социальный слой, занимающий свое место в общественной структуре, необходимо передача типичного для этого слоя занятия, образа жизни и источников существования по наследству. Дьяки, таким образом, шли по пути превращения в специфическую часть общественной верхушки. По словам А.Ю. Савосичева, они стали феодаламиземлевладельцами (Т.1. С.343).

менее интересны наблюдения А.Ю. Савосичева по поводу поместного землевладения подьячих при Иване Грозном. Указывая, что для подьячих феодальная рента как источник доходов имело тем большее значение, чем далее от столицы служил подьячий, он отмечал, что для столичных подьячих «кормление от дел» было и проще, и, возможно, прибыльнее (Т.2. С.69–70), чем эксплуатация поместья. По-видимому, этот вывод очень важен для общей характеристики системы управления в Московском государстве, которая из эпохи царя И. Грозного успешно перешла в XVII в. В целом же выводы А.Ю. Савосичева о роли вотчинного и поместного землевладении в структуре доходов дьяков и подьячих могут иметь важное значение при дальнейшем изучении проблемы об эволюции социально-правового статуса указанных сообществ. Кстати, это касается содержательной дискуссии о возможности именования их «бюрократией»: так, некоторые ученые полагают применение данного термина малопродуктивным именно потому, что дьяки и подьячие не только получали государеко жалованье, но и пользовались земельной рентой.

Четко проведена классификация источников с выявлением их особенностей. Вместе с тем по ходу изложения материала в главах дается иногда необходимая дополнительная характеристика отдельных источников. Как представляется, особенно интересно А.Ю. Савосичев охарактеризовал особенности местнических дел. Вывод о том, что содержащаяся в них информация заполнена фантазиями с целью представления своего соперника в самом невыгодном свете, он не только полностью и совершенно правомерно принял. Он подтвердил ее, указав на местнические споры между Михаилом

Татищевым и Василием Щелкаловым (Т.1. С.381). Вообще, обращает на себя внимание, что высказывающиеся А.Ю. Савосичевым сведения, касающиеся происхождения и положения конкретных людей, дьяков и подьячих, имеют самую прочную опору в источниках, подтверждаются на основе большого фактического материала.

особый Вызывают интерес положения В исследованиях ПО отечественной истории, в которых содержится сопоставления сходных или аналогичных явлений или процессов в российской истории и в зарубежных странах. Это относится к выводу А.Ю. Савосичева о том, что дьячество Московского государства все-таки не сложилось в особую социальную прослойку наподобие французского «дворянства мантии» (Т.2. С.91). Вместе с тем как представляется, это интересное положение, учет которого необходим при изучении особенностей формирования сословного строя в России, следовало бы более четко провести не только в заключении, но и в тексте соответствующей главы исследования.

Результатом большой аналитической работы с источниками, проделанной А.Ю. Савосичевым, стали приложения к основному тексту, которые дают комплексное представление о результатах исследования. Они содержат обобщающие сведения о дьяках и подьячих при Иване III, Василии III и Иване IV, родословные таблицы, дающие сведения о дьяческих родах и родственных связях, а также сведения о службе дьяческих сыновей и о землевладении дьяков. Эти приложения представляют несомненную научную ценность и важны для понимания явлений и процессов в жизни страны того времени.

К интересному и самостоятельному докторскому исследованию А.Ю. Савосичева могут быть высказаны определенные вопросы и пожелания:

1) Историографический раздел введения включает в себя анализ исследований о дьяках и подьячих, хронологические рамки которых выходят за пределы 1584 г. и охватывают XVII в. В этой связи при такой подачи историографии было бы уместно сказать о еще одной группе дьяков. Это были

донские войсковые дьяки, которые упоминались в некоторых исследованиях, в частности, в очерке А.Н. Робинсона, посвященные повестям об азовских событиях 1637–1641 гг., а за последнее время в статьях О.Ю. Куца и Б. Боука. Известный американский исследователь при этом отрицает, что автором повести об Азовском осадном сидении был войсковой дьяк Федор Иванов Порошин, и признает авторство повести за дьяками Посольского приказа.

- 2) Вероятно, автору стоило бы более подробно обосновать включение в историографический обзор и, тем более, в основной текст диссертации, исторического и историографического материала, далеко выходящего за пределы обозначенного им же верхнего хронологического предела своей работы (т.е. 1584 г.). При этом не упомянуты некоторые работы, относящиеся к теме и к хронологии диссертации (Водов В. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. – 1425 г) // Исторические 1979. T.103; Хорошкевич А.Л. Из истории записки. делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. // Советские архивы. 1984. №5). В них тоже говорится о категориях московских княжеских дьяков.
- 3) Один из вопросов, относившихся к дьякам Ивана III, касается Владимира Гусева, которого Н.М. Карамзин не только называл автором Судебника 1497 г., но и дьяком. В дальнейшем советский историк Я.С.Лурье установил, что составление Судебника не было связано с именем В. Гусева, что упоминание о нем как об авторе Судебника было вызвано неправильным пониманием текста Типографской летописи, а также подчеркнул, что такого дьяка, как В. Гусев, вообще не было. Как представляется, об этом можно было бы упомянуть в историографической части введения, поскольку это, так или иначе, относится к вопросу о дьяках второй половины XV в.
- 4) Среди великокняжеских дьяков первой половины XVI в. указан Мисюрь Мунехин (Т.1. С.227). Известно, что он был корреспондентом старца Филофея, с именем которого прочно связана теория «Москва Третий Рим». Насколько это послание является свидетельством положения на

великокняжеской службе этого дьяка при Василии III? Может ли быть отнесен к дьякам другой корреспондент Филофея и известный публицист, Федор Иванович Карпов, который имел чин окольничего и который иногда в литературе упоминается в качестве дьяка?

- 5) Говоря о времени возникновения приказов, А.Ю. Савосичев отмечает, что в правление Ивана Грозного «возникают и множатся приказы, первоначально именовавшиеся избами. Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Большой приход, четверти. Деятельность приказов, пусть и не всегда последовательно, строится по отраслям государственного управления» (с.347). Но означает ли такая констатация, что весь изложенный до этого материал имеет только косвенное отношение к одной из давних и попрежнему дискуссионных научных проблем о времени возникновения приказов и приказного строя в России?
- 6) Как отмечает А.Ю. Савосичев, в XVI в. значительно увеличилось политическое значение дьяков, и подобного явления не было в XVII в. (Т.2. С.90–91). Как представляется, некоторые из дьяков XVII в. приближались по своему значению к И.М. Висковатому и братьям Щелкаловым. Это Алмаз Иванов, Емельян Украинцев, Прокофий Возницын и, возможно, некоторые другие дьяки Посольского и других приказов.

Высказанные авторами отзыва вопросы и пожелания носят частный характер и не влияют на итоговый вывод. В целом А.Ю. Савосичеву принадлежит оригинальное и интересное исследование, относящееся к одной ИЗ важных сторон истории отечественного средневековья период Московского объединения русских земель государства ДО конца Ивана Грозного. Диссертация А.Ю. Савосичева царствования прошла достойную и разноплановую апробацию. Им были опубликованы по теме диссертации 2 монографии, а также 15 статей из перечня журналов, рекомендованных ВАК, и 18 статей в других изданиях, общим объемом около 77 а.л. Текст автореферата диссертации отражает положения и выводы ее основного текста.

Докторская диссертация А.Ю. Савосичева «Дьяки и подьячие XIV-XVI веков: происхождение и социальные связи» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней ВАК РФ, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук», а ее автор Андрей Юрьевич Савосичев, заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 Отечественная история.

подготовлен д.и.н. (07.00.02 – отечественная история), Отзыв профессором Николаем Александровичем Мининковым, д.и.н. (07.00.02 – отечественная история), профессором Л.В.Мининковой; д.и.н. (07.00.02 отечественная история), профессором кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Дмитрием Владимировичем Сенем.

Отзыв утвержден на заседании кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета 29 января 2016 г., протокол № 6.

пектепьности

ниверситет

Munin

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЗАВЕРЯЮ:

Личную полинсь Мининавва Н. А.

Мининков Николай Александрович,

доктор исторических наук, профессор,

заведующий кафедрой специальных

исторических дисциплин и

документоведения ФГАОУ ВО

«Южный федеральный университет»

344006 г. Ростов-на-Дону,

ул. Большая Садовая, 105/42

Телефон: 89185795443

E-mail: mininkov@aaanet.ru